

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Закон достаточного основания как ключевое средство в построении философской системы (на примерах моделей И. Канта и А. Шопенгауэра)

Троцак Алексей Иванович

Кандидат наук

*Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Исторический факультет
(специальность "философия"), Калининград, Россия*

E-mail: aleksei_trocak@mail.ru

Проблема первоначала как проблема метафизики связана с ключевым категориальным «субъект – объектным» отношением в философии. Характер отношений субъекта и объекта зависит от интерпретации закона достаточного основания, в частности, если трактовать его в онтологическом значении. В зависимости от свойств этого отношения, *субъект* оказывается либо активным деятелем, самопроизвольно начинающим причинный ряд, либо пассивным, где всё существование заранее предопределено высшей причиной. Метафизический вопрос об *объекте*: «существует ли первопричина в мире?» – является только одним из звеньев в цепи философских вопросов, который приводит к следующему: какой характер этой первопричины или первого основания? Для ответа на вопрос о характере первопричины необходимо условно выделить два взгляда на мир. Согласно первому, *мир* понимается с точки зрения свободы или же несвободы от внешней причины; согласно второму, применительно к *субъекту*, – свободен ли человек в своих поступках или же они детерминированы? Однако *первая* категория свободы была бы просто ущербной в отрыве от формы её проявления в виде конкретных действий людей, а действия и максимы, которым следует субъект, в свою очередь, нельзя не фиксировать и не оформлять в нравственный закон либо принцип, через который выражается свобода или же констатируется её отсутствие. Таким образом, мы видим, что гносеологические и онтологические вопросы должны рассматриваться в тесном синтезе с практической философией. А если так, то проблема основания, выраженная в формулировке закона достаточного основания, обнаруживает в своём содержании вопрос о свободе (так как при рассмотрении первопричины мы поднимаем вопрос об её характере), которая требует своего дальнейшего рассмотрения в виде конструирования законов нравственности. Этот синтез проблем основания, свободы и закона нравственного поведения присутствует у Канта и Шопенгауэра и показывает то, что их философско-моральные воззрения не могут быть поняты без интерпретации этих трёх фундаментальных понятий, причём источником критики для них и связующим звеном явилась вольфианская философия и её главный метод – закон достаточного основания Вольфа, в системе которого этот закон приобрёл всеобъемлющий характер.

Шопенгауэр в отличие от Канта вновь сделал закон достаточного основания доминантой своей системы. «Великий пессимист» предпринимает историко-философское исследование закона достаточного основания, начиная с Платона и Аристотеля, причём он чётко проводит историко-философские параллели, показывая, например, что заимствовал Кант у Аристотеля и Лейбница, – в этом плане Шопенгауэр более внимателен к историческому контексту, нежели Кант. В то же время Шопенгауэр отдаёт должное Вольфу, который, по его мнению, впервые выделил два значения закона достаточного основания. Анализируя «Онтологию» Вольфа, Шопенгауэр отмечал в ней нечёткую

дифференциацию видов закона достаточного основания, что приводило Вольфа к смешению разных сторон бытия, затрудняя идентификацию того или иного вида. Однако для историко-философского характера нашего исследования будет полезно показать, по крайней мере, фрагменты из текста Вольфа, которые близки по содержанию к видам закона достаточного основания у Шопенгауэра. Для этого мы подвергаем «Метафизику» Вольфа реконструкции, и соотнесём найденное с тем, что отчётливо сформулировал Шопенгауэр, а именно: *principium fiendi* (закон становления), *principium essendi* (закон бытия) и *principium cognoscendi* (закон познания) и *principium agendi* (закон воления).

Исходя из сравниваемых текстовых фрагментов, видно, что мысли Вольфа не так явственно сходны с мыслями Шопенгауэра. Так третий вид закона достаточного основания (*essendi*) Вольфа не содержит в себе понятия причинности, так как последовательность событий ещё не доказывает их причинно-следственную взаимосвязь, что является совершенно естественным для Вольфа, но Шопенгауэр уловил этот недостаток. Четвёртый вид закона достаточного основания по форме схож с утверждением Шопенгауэра, однако вместо понятия «воля» Вольф употребляет понятие «сила», что порождает двусмысленность при определении основания. Эти недочёты оказываются при реконструкции закономерным следствием рационализма Вольфа, так как его система не предполагает различий закона достаточного основания, но рассматривает его как всеобъемлющее правило. Кант и Шопенгауэр в этом отношении ограничили действие этого закона, а именно: у Шопенгауэра закон достаточного основания определяется по принципам спецификации и однородности; у Канта применение его ограничивается только формальной логикой, а онтологическая сторона передаётся закону причинности, что не исключает того, что принцип детерминизма является законом природы. Но между Кантом и Шопенгауэром также нет единства. Шопенгауэр расширил представления Вольфа, а Кант, наоборот, пытался приспособить действие закона достаточного основания к критицизму. Отличие системы Канта от системы Шопенгауэра ясно видится в четвёртом корне закона, который непосредственно связан с проблематикой свободы воли, где воля понимается в качестве *основания* существования всех живых существ. В этом моменте происходит подмена понятий: в отличие от Лейбница и Вольфа, Шопенгауэр догматического Бога заменил Волей, которая представляет собой вещь в себе. Следовательно, эта воля является связующим звеном и носителем свободы и закона нравственности, являясь основой всего мироздания. Но примечательно то, что принцип нравственности, исходя из такого шопенгауэровского толкования воли, должен теперь охватывать всех живых существ, следовательно, и свобода в этом принципе должна присутствовать у тех живых организмов, у которых есть хотя бы признаки рассудочной деятельности. Естественно такое следствие Шопенгауэр нигде не утверждает, приписывая частичную свободу только человеку. Однако при интерпретации его системы такая проблема всё же возникает, и возникает она потому, что разум человека в шопенгауэровской системе не автономен, в отличие от понимания разума у Канта. Функции разума переносятся Шопенгауэром в рассудок, который применяет свой главный принцип (причинность) к вещам как представлениям. У Канта рассудок тоже может быть применён, опосредованный разумом, к внеопытной сфере, способный вырабатывать синтетические априорные суждения для возможного опыта вообще, но рассудок там не может получать знаний.

Применение закона достаточного основания в философии Канта и Шопенгауэра по-

казывает разнохарактерную связь и влияние этого закона на их системы. Для обоих этот закон выступает фундаментом взаимодействия проблемы свободы воли и закона нравственности: только если для Канта – преемственность закона достаточного основания носит критический характер, который выражается в неприятии этого закона как средства доказательства положений чистого разума и рациональной теологии, то для Шопенгауэра характер преемственности закона остаётся прежним, правда, в модернизированном и дополненном виде, так как этот закон оказывается удобным способом обоснования Мировой воли.

Литература

1. Вольф Х. Метафизика // Христиан Вольф и философия в России. СПб., 2001. С. 227– 359.
2. Жучков В. А. Метафизика Вольфа и её место в истории Нового времени // Христиан Вольф и философия в России. СПб., 2001. С. 8 – 107.
3. Калинин Л. А. «Критическая» рефлексия как гносеологическое средство // Кантовский сборник. Калининград, 1984. Вып. 9. С. 13–19.
4. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 3. 741 с.
5. Кант И. Новое освещение первых принципов метафизического познания // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 1. С. 261 – 313.
6. Шопенгауэр А. О четвероюм корне закона достаточного основания // Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы: Сочинения. М., 1998. С. 13–163.
7. Aby H. Schopenhauer und die Scholastik. Heidelberg, 1939. 83 S.
8. Wolff Chr. Logica in usum auditorii sui ordine scientifico // Wolff Chr. Gesammelte Werke. Hildesheim, 1997. 226 S.